

Анатолий Байбородин — известный русский писатель, публицист и критик из Иркутска, продолжатель традиции, заложенной в литературе поколением В.Г. Распутина. Одной из наиболее заметных особенностей творчества Анатолия Григорьевича можно назвать великолепный и глубинный русский язык. Именно такой, каким на Руси говорили издревле. Но язык — это лишь форма изложения глубинной национальной мысли. Какова же эта мысль? Какова её глубина? Тысячелетняя ли она — христианская? Или двухтысячелетняя — языческая? На эти вопросы и попробует ответить настоящая статья.

Сам писатель и публицист в очерке «Русский обычай. О языческом и христианском в народной этике» в главе «Два взгляда на русское язычество» говорит о неоднозначности идолопоклонничества с точки зрения Священного писания: «Иисус Христос обличал язычество: *«Иисус говорил им: «На путь к язычникам не ходите, и в город Самарянский не входите» (Мф. 10:5); но, случилось, Спаситель ставил язычников в пример благочестивым, единобожьим иудеям; вспомним самарянина, что спас иудея, коего ограбили лихие разбойники, избили до полусмерти и бросили на обочине дороги, а ранее проходили мимо иудейский священник и левит и не помогли соплеменнику [Лк.10:33]»* [7]. Далее Анатолий Григорьевич рассказывает о том, что Русь ещё до решения князя Владимира принять Христа жила с жадой единобожия: *«согласно сему взгляду, ветхие русы по жестоковывности превосходили чужеземных язычников, и христианство им было враждебно; но есть и другое историческое, богословское суждение о том, что древние русичи уже накануне княжения святого Владимира жили с жаждой Бога...»* [7]. И исследователь вспоминает эпизод из древнерусской летописи, когда апостол Андрей Первозванный увидел Киевские горы и произнёс своё пророчество: *«Видите ли горы сия? Яко на сих горах возсияет благодать Божия, имать град великий быти и церкви многи Бог въздвигнути имать...»*. Это означает, что возникновение Руси Православной на Киевских горах было лишь вопросом времени после пророческого благословения апостола Андрея. Путь же Андрея Первозванного шёл через Новгород к Ладожскому озеру и *«далее до острова Валаам, где (он, — О.Ш.) установил каменный крест и истребил капища богов Велеса и Перуна, обратив в христианство языческих жрецов»* [7]. Сам факт того, что апостол Андрей прошёл по русским землям столь далеко на север, не встретив какого-либо физического сопротивления, говорит о том, что славянские племена не были столь кровожадны, как те же римляне или израильтяне, которые за одно только упоминание Христа казнили верующих изощрёнными способами.

Вообще, необходимо выяснить, как Анатолий Байбородин достиг такого писательского мастерства, чтобы в своих текстах соединять природу человеческую — от мира сего, и божественную — от мира горнего. Для этого стоит обратиться

к публицистике автора, в том числе к интервью. Например, в беседе с критиком К.А. Кокшенёвой Анатолий Григорьевич признаётся, что своё творение «Русский месяцеслов» специально написать не планировал. *«Скопились амбарные книги выписок из календарной и житийной литературы, дневники фольклорно-этнографических путешествий по Забайкалью (в том числе и в староверческие села), и мне стало жалко, что пропадет такой богатый материал»* [8], — признаётся писатель. Но и этот комментарий не отвечает на поставленный вопрос. Поэтому Анатолий Байбородин приоткрывает секрет своего творчества в следующем ответе: *«Без серьезного и глубинного изучения национальной этики не может быть национального писателя. К примеру, в чем сила латиноамериканского писателя Габриеля Маркеса? В том, что он ярко выраженный народный писатель, поэтому он интересен всему миру. Пушкин мог и не выделиться из дворянской литературы «золотого века», и не превзойти Жуковского, Карамзина, и даже Дельвига с Пушкиным, но он и духом, и словом пробился к народному — суть крестьянскому — миру, и стал народным писателем, вознеся над узко сословной дворянской литературой»* [8]. Значит, корни взаимодействия языческой и христианской этики лежат в преодолении сословности и обретении народности автором.

Секрет народности раскрывается Байбородиным в большой статье о творчестве Сергея Есенина «*Душа грустит о небесах...*». Автор приводит слова самого Достоевского о том, что из народа способны выйти поэты по своему уровню ничуть не ниже Пушкина. *«Слушая крестьянскую песню, он — в отличие от иных дворянских писателей вернее разглядевший русскую душу, хотя и живший вне народно-обрядовой жизни, вне народной языковой стихии, — вдруг удивленно, озарённо промолвил: «Ах вы сени, мои сени... Поэт не ниже Пушкина...»*[4], — замечает Анатолий Григорьевич. Но до рождения Есенина было ещё пару десятков лет. Тем не менее, такой дальновидный писатель, как Фёдор Достоевский, уже предрёк появление гениального «крестьянского поэта». Свою мысль Анатолий Байбородин продолжает в следующем ключе: *«Где же источные ключи есенинской поэзии?.. Они в поэзии народной. Поэт вместил в свой творческий дух и деревенского юродивого, и деревенского сказителя, которые сплошь да рядом были никудышними крестьянами, а посему и отношение сельского мира было к ним порой сложным.*

Русские — чую и вижу крестьян православных, ибо и Русь была крестьянской, и слово-то само крестьянин родилось от слова христианин, — так вот, русские во всякой деревушке, не говоря уж о селе с церквями, имели своих юродивых во Христе, убогих (у Бога душой обитающих уже и в брэнной земной жизни), кои молились за крестьян, которые, что греха таить, в страдную пору дорогу к церкви забывали» [4]. Важно заметить, что крестьянская жизнь была и вне церкви. Если юродивый Христа ради молился и за брата-крестьянина, то природа деревенского жителя была в какой-то мере и языческой. Христианский же идеал помогал «человеку земли» понять свои грехи и покаяться в них. Во всей этой сложной природе и родилась устная народная поэзия.

Поэзия деревни в своём гениальном воплощении проявилась как раз в творчестве Сергея Есенина. Каждый цикл, каждое отдельное стихотворение поэта — так или иначе воплощает в себе частицу национального характера, с какими бы недостатками он (характер — О.Ш.) не был. Есенинское четверостишие, которое писатель Байбородин выносит в эпиграф своей статьи, в том числе подтверждает вышенаписанное:

*Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать [4].*

Крестьянская душа поэта понимает, что брэнная жизнь без греха невозможна, но спастись способна, только соприкоснувшись с национальной одеждой — русской рубашкой, и обязательно под православными иконами. Таким образом в есенинской лирике соприкасаются этика и языческая, и христианская. Схожее мировоззрение было присуще и другим поэтам — современникам Сергея Есенина. Среди них можно назвать и Николая Клюева, и Петра Орешина, и Ивана Приблудного, и Алексея Ганина. На судьбе и творчестве последнего хотелось бы остановиться подробнее.

Замечательное исследование жизни и творчества А.А. Ганина провёл критик Ст. Ю. Куняев. Статья эта известна под названием «Жизнь и смерть поэта». Судьбы Ганина и Есенина в чём-то схожи. Сергей родился и вырос в селе Константиново на рязанской земле, Алексей же родом из деревни Коншино Вологодской губернии. И тот, и другой служили в госпитале во время Первой Мировой войны. Знакомятся поэты в 1916 году, незадолго до революции. Почему фигура Ганина столь важна для понимания народной этики? Слово Станиславу Куняеву: «Он, видимо, много учился у символистов — у Блока, Белого, Бальмонта — и создал в своей поэзии своеобразный сплав народного и глубоко интеллигентного, модного в те годы символического понимания мира... Но символизм мышления был присущ не только «декадентской» поэзии XX века.

Вся крестьянская жизнь в поэзии А. Ганина — отражение, а может быть, и порождение идеальной духовной жизни мироздания. Надо вспомнить, что и народное творчество русского крестьянина было насыщено древней символикой. [3, С. 370–371] Когда критик говорит о «древней символике» в народном творчестве, он имеет в виду традицию дохристианскую, древнеславянскую. Сам Станислав Юрьевич называет это время «доисторическим». Например, вот что пишет критик о поэме Ганина «Былинное поле»: «В поэме мифы прорастают в современность и тянутся в тьму вечности, в историческое или даже доисторическое время человечества.

*А уж тысячу лет нам повелено:
Буде встретим мы Зорьку на пахоте,
Будет отдано небо в приданое,
И земля — вековая кормилица;
Будут ситцем и сахаром дареным
Наши хаты доверху завалены.
Где ж справляти нам сварбу великую,
Как не в поле широком Микуловом?» [3, С. 371]*

Таким образом, читатель видит, что ещё один представитель народно-крестьянской поэзии, а именно Алексей Алексеевич Ганин, по-своему, но всё-таки достаточно ярко проявляет в творчестве дохристианскую народную этику. К сожалению, пора, когда «певцы русской деревни» создавали свои творения, была не просто богоборческой, но и антирусской. Две серьёзные поэтические потери 1925 года говорят сами за себя — в марте расстреливают Ганина, а в декабре убивают Есенина. Станислав Куняев высказывает по поводу антикрестьянской политики

такой комментарий: *«К великому нашему горю, судьба поэтов русского крестьянства была predeterminedena, как неизбежная трагедия, уже в раннее послереволюционное время. Продразверстка, Гражданская война, рассказывание, первое раскулачивание, белый и красный террор подрубили многие корни крестьянской жизни. Но мира для нее не наступило и после окончания Гражданской войны»* [3, С. 372–373]. В числе врагов русской национальной жизни были многие на тот момент видные деятели большевистской партии, такие как Троцкий, Сталин, Свердлов, Каменев, Бухарин, Зиновьев, Ярославский, Луначарский, Дзержинский, Радек и многие другие. И, как верно заметил критик Куняев, все эти люди *«происходили из каких угодно слоев населения, но только не из крестьянского. Ни один из них»* [3, С. 373]. Какой же образ жизни вели писатели и поэты именно из крестьянского слоя в эпоху ранних большевиков? На этот вопрос Станислав Юрьевич отвечает в другой статье под названием «Всё начиналось с ярлыков». *«Почти все поэты есенинского круга были репрессированы, но их физическому уничтожению предшествовало уничтожение моральное. Их дружно травили задолго до расцвета сталинизма идеологи и критики 20-х — начала 30-х годов. Жили они в нищете. Клюев продавал старые книги, выступал за крохотные гонорары, Клычков жил крестьянским трудом, Пимен Карпов и Иван Приблудный просто нищенствовали. А травля их разгоралась с каждым годом»* [3, С. 400–401], — пишет Куняев.

Примеры того, как выживали носители народной этики в 20-е и 30-е годы XX века, приведены неспроста. Возвращаясь к творчеству героя статьи — Анатолия Байбородина, важно процитировать выдержку из публицистического текста писателя под названием «Счастье». Автор вспоминает свои юные годы, когда только-только окончил университет: *«в отличие от своих однокурсников, которые распределились в газеты, на радио и телевидение, я распределился в дворники. По нынешнюю седую бороду почитаю дворницкое ремесло самым благородным в мире: загаживать землю все мастера, а вот прибирают лишь дворники»* [2, С. 120]. Понятно, что автор называет свои воспоминания «счастьем» лишь с точки зрения кратковременности бранных затруднений. На самом деле этот эпизод не менее трагичен, чем нищенство Приблудного и Карпова, или чем торговля старыми книгами Клюева. Пример, приведённый выше, лишний раз доказывает, что писатель, обладающий языческим или христианским, но — главное — народным мирозерцанием, неугоден власти в течение всего XX века. И только тот факт, что в 2020 году Анатолий Григорьевич Байбородин отпраздновал свой 70-летний юбилей в добром здравии и статусе главного редактора журнала «Сибирь», говорит о том, что времена стали более благосклонны к писательской судьбе. И всё-таки следует отдать должное оптимизму автора «Счастья». Его дворницкая «карьер» благотворно отразилась на литературной деятельности: *«много лет я дворничал ...у дворника уйма свободного времени — пиши, запишись... и я сочинил полон стол. Ежели в моей лесной избушке будет туго с дровами, можно рукописями печку топить»* [2, С. 120]. Пожалуй, глубинное понимание тонкостей народной этики и позволило Анатолию Байбородину смиренно, постепенно преодолеть те житейские трудности, который сам писатель озаглавил, как «Худо с добром».

Необходимо отметить, что народная тысячелетняя этика сопровождает публицистическое и критическое творчество Байбородина не только в исследовании им поэзии. Работа под названием «Правые и лукавые» направлена на подлинное разоблачение большевистских преступников, таких как В.И. Ульянов-Ленин (Бланк), или идеологов и теоретиков богоборчества, таких как К. Маркс (Мардохей Леви)

и иже с ними. Анатолий Григорьевич приводит в этой статье цитаты из писем и документов Ульянова, где вождь брызжет слюной об опасности для его любимого «Интернационала» так называемого «великорусского шовинизма». Байбородин, как национально мыслящий автор, ужасается русофобии и богоборческим настроениям Владимира Ленина. Публицист раскрывает разницу между подходами теоретика и практика социализма, но учитывает, что результат такого «влияния» для тысячелетней русской культуры получается максимально трагичным. *«Если Мозес Мардохей Леви (Карл Маркс) дотошно разбирал мнимые противоречия в евангельском повествовании о родословии Христа, то Ленин в газетных статьях о христианстве не бранил Евангелие и церковные догматы; для демона революции бытие Христа Бога — сказка для тупого и темного крестьянства, кою читать, а тем паче разбирать, — идиотизм. Христианство, и особо православное, по Ленину — хитрый способ лицемерных фарисеев и книжников в угоду сильным и богатым мира сего обманывать рабочих и крестьян, чтобы, яко подъярёмный скот, держать народ в узде смирения»* [5], — пишет Анатолий Григорьевич в «Правых и лукавых». Антихристианское, сатанинское мировоззрение Ульянова проявилось так открыто, что «вождь революции» даже не пытался исследовать Священное писание и Евангелие. Он слепо ненавидел всё, что связано с церковью, в том числе и коренного русского крестьянина, носителя дохристианской и православной христианской этики.

Пожалуй, если бы русофобия и бесовщина большевиков не находила отклика в сбитых с толку массах, ни о какой революционной трагедии сейчас бы никто не вздыхал. Байбородин в своей публицистике старается отстаивать правильность Православно-христианского пути и порицает в народе то и дело проявляющиеся языческие буйства. *«<...> тем не менее уже со Средних веков в русской душе уживались, раздирая душу, христианская смиренность и языческая дерзость, что выплескивалось в страшный русский бунт, обгаренный кровью, а потом орошенный покаянными слезами. Храм и балаган, церковь и кабак...»* [1, С. 101], — пишет исследователь в очерке «Русский обычай. О языческом и христианском в народной этике» в главе «Отзвуки былого язычества». Разве сильно изменилась природа русского человека за XX столетие? Анатолий Григорьевич, проживший в сибирской деревне значительную часть жизни, отмечает, что крестьяне и во второй половине прошлого века, который мало соображающие либералы называют «прогрессивным», ещё не до конца преодолели древнюю языческую природу: *«Будучи сельским уроженцем, полвека с любовью и дивлением изучая крестьянский мир, я не захваливал крестьян, я ведал и силу, и слабость сего сословия. А слабость — веками не изжитые после Крещения Руси суеверия, корнями уходящие в языческую тьму: хотя и не обожествление, но одухотворение матери сырой земли, неба, природных стихий, мифической нечистой, неведомой силы»* [1, С. 101]. Пожалуй, тяжёлый недуг нашего народа, а именно эта двойственность духовной природы, не до конца вылеченная крестом «буйность» древнего языческого происхождения и отразилась в государственном перевороте 1917 года. При этом надо признать, что преклонение перед мистикой и мифологией давало народу не только лишь горе и страдание разрушений, но и талантливое, а порой и гениальное литературное творчество. О чём было написано выше и что будет исследовано далее.

Герой другого критического очерка Байбородина — Владимир Личутин, наоборот, свою прозу пропитал национальным мистическим духом. Об этом можно прочитать в материале «Русский мир Владимира Личутина». Байбородин-критик

замечает, что даже в произведениях В.Г. Распутина мистицизм был несколько отвлечённым, а в личутинской прозе религиозный дух ещё в и «безбожные» десятилетия выражался полногласно, на полную мощь. *«Хотя православный дух любимых личутинских героев (кроме героев «Раскола») язычески свивался с ликующей одой плодородию земли и чадородию женщин, с яркой брачной песнью: Отец-небо наливается любовной грозовой силой, а Мать-земля трепетно жаждет любовной влаги, чтобы родить из себя новую жизнь — растительную; и вот зазывно, как в пору гона, гремит гром, содрогается Муж Небо, и в томительно, сладострастно замершую Жену Землю впиваются молнии, и на Неё проливается небесная влага; и в этой грозовой любви Отца-неба и Матери-земли рождается всё живое на земле»* [6], — замечает слияние народной дохристианской и православной христианской этики у писателя Анатолий Григорьевич. Критик обращает внимание, что поморская этика не ограничивалась поклонением Матери-сырой земле и Отцу-небу. Неотъемлемым явлением природы для северного крестьянина был и океан: *«Кроме поклонения небу и земле личутинские герои-поморы поклонялись и морю-океану, кормящему и либо гибельными ветрами выдувающему из поморской души бесовские искусы и обавные наваждения, либо наказующему, коль уж душа безвозвратно заложена и перезаложена у князя тьмы»* [6]. Таким образом, творчество Владимира Личутина перекликается с поэзией новокрестьянской, что находит выражение в исследованиях Анатолия Байбородина.

Конечно, можно сказать, что сравнение творчества прозаика и поэта — дело не совсем верное. Можно заметить, что коллеги и предшественники Байбородина по крестьянской прозе прожили жизнь вовсе не трагическую, по сравнению с судьбами Есенина, Ганина, или П. Васильева. Но речь в статье идёт о другом. Главное в том, что народная этика у деятелей литературы, вышедших из деревни и не порвавших корнями с ней, проявляется в творчестве в воплощении дохристианских и христианских идеалов. На определённом историческом этапе, а именно в первой половине XX столетия, борьба с носителями народной этики достигла своего наивысшего уровня в новейшей истории. Такие русские поэты, как Николай Гумилёв, Алексей Ганин, Сергей Есенин, Павел Васильев, были физически уничтожены в самом расцвете творческих и жизненных сил. Сравнение героя статьи — Анатолия Григорьевича Байбородина — с вышеперечисленными деятелями поэзии носит характер мировоззренческой близости. Разница в поколении здесь играет второстепенную роль, поскольку в список сравнения можно добавить такие имена, как Н. Рубцов, В. Белов, В. Астафьев, В. Распутин и др. А это писатели, в традициях которых и пишет Анатолий Григорьевич. Возвращаясь к вопросу о языческой и христианской народной этике, необходимо заметить, что наличие этого критерия в творчестве современного писателя — как никогда важно. В век, когда каждое десятилетие преподносит новые формы цифровизации и денационализации, писатель, чьи творения уходят корнями на тысячу (а то и две) лет назад, представляет серьёзную ценность. Ценность эта выражена как в богатом народном языке, т.е. форме изложения мысли, так и в самой мысли, в которой заложена та самая этика, о которой было написано выше. Таким образом, писатель Байбородин — это не только «этнограф, фольклорист и словесный орнаменталист», как стали величать его столичные постмодернисты. Писатель Байбородин — это ещё и носитель цивилизационного кода, разгадать который предстоит грядущим поколениям исследователей.

Список использованных источников

[1] — Байбородин А.Г. Слово о роде и народе / А.Г. Байбородин. — М.: Вече, 2021. — 496 с. : ил. — (Моя Сибирь).

[2] — Байбородин А.Г. Счастье // Родная Кубань. — 2020. — № 3 С. 117–121.

[3] — Куняев Ст. Ю. Русский дом / Сост., коммент. С.С. Куняев, предисл. Ю.М. Павлов / Отв. ред. О.А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2013. — 912 с.

Электронные источники

[4] — Байбородин А.Г. «Душа грустит о небесах...». Трагедия поэта Сергея Есенина — Газета День Литературы [Электронный источник] <https://denliteraturi.ru/article/3312>

[5] — Байбородин А.Г. «Правые и лукавые». К 100-летию Великой Октябрьской революции в России — Газета День Литературы [Электронный источник] <https://denliteraturi.ru/article/2821>

[6] — Байбородин А.Г. Русский мир Владимира Личутина. К выходу в свет 14-томника прозы Личутина — Газета День Литературы [Электронный источник] <https://denliteraturi.ru/article/3835>

[7] — Байбородин А.Г. Русский обычай. Очерк о языческом и христианском в народной этике. Два взгляда на русское язычество | Русское поле [Электронный источник] <http://www.ruspole.info/node/10756>

[8] — Байбородин А.Г. Слово о роде и народе. Беседовала критик Капитолина Кокшенёва — Газета День Литературы [Электронный источник] <https://denliteraturi.ru/article/4453>